

В ТОМ ДАЛЕКОМ, ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОМ

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА ВОПЛОТИТЬ ОБРАЗ В. И. ЛЕНИНА НА ТОМСКОЙ СЦЕНЕ

Это было в первые годы революции. Мы были молоды и чувствовали себя титанами, свергшими старых богов с Олимпа. Покочив с белыми, сели за книгу, учились на рабфаках, в совпартшколах, студиях.

И был год смерти Ленина. Нас она потрясла. Маяковский тогда только вынашивал поэму о вожде, вбирая в нее скорбь миллионов. Шел Ленинский призыв в партию. Мы читали со сцены стихи о Ленине, написанные А. Безыменским, Н. Полетаевым, В. Инбер.

Я был студентом Томского технологического института, но бредил театром. Позади осталась драматическая студия при Доме просвещения. Ее руководителями были талантливый артист городского театра В. В. Зверев, а также режиссер и писатель В. Федоров, пьеса которого «Сытые и голодные» шла с успехом в 1921 году.

Томская губсовпартшкола готовилась к седьмой годовщине Октября. Я руководитель драмкружка. Что ставить? Только что вышла пьеса Вениамина Ивантера «Земля зажглась». Она дышала пафосом революции.

Пьеса была простой агиткой в трех частях: «Начало», «Борьба», «Победа». В ней было занято много народа. Тут действовали рабочие, матросы, солдаты, большевики, эсеры, меньшевики, Керенский, Мартов, профес-

сор, юнкера, полковники, министры, красногвардейцы, американский корреспондент и т. д. Нас это не останавливало. В спектакле могла принять участие вся школа.

Ставили спектакль мы авангардистски, учились у Мейерхольда: в сукнах и никакой мебели. Только деревянные конструкции. В прологе из-за кулис выбегали два акробата, вертели салто и, подняв руки вперед и ввысь, кричали:

— Слушайте, слушайте, слушайте! Мы вам покажем...

Одна сцена происходит в Смольном. Туда и сюда снуют люди — вооруженные и невооруженные. Говорят о Ленине. Затем на сцене появляется толпа. Она окружает человека, «которого, — как гласит ремарка, — не видно публике». Слышится его слова:

— Двадцать четвертого октября будет слишком рано действовать: для восстания нужна всероссийская основа, а двадцать четвертого не все еще делегаты на съезд придут; двадцать шестого октября будет слишком поздно...

Ясно: это Ленин.

В третьей сцене происходит съезд Советов. Там слова Ленина, по замыслу автора, передаются с экрана, но самого его опять не видно.

Но разве можно себе представить Октябрьскую революцию без Ленина? А кто сможет его играть?

Однажды на репетиции участники спектакля говорят, что в школе есть человек, внешне похожий на Ленина. Больше того, парикмахер партшколы, умеющий гримировать, давно уже работает с этим слушателем. Вечерами после работы он приглашает его к себе в салон, раскладывает на столе портреты Ленина и, глядя на них, накладывает грим. Сначала не получалось, но после нескольких сеансов сходство с лицом Ленина становилось все больше и больше...

Казалось, что сама судьба подталкивает меня. И я решился поставить спектакль с образом Ильича.

Началась индивидуальная работа с исполнителем. Мы расспрашивали старых товарищей, из тех, кто бывал в Москве и видел Ленина: как он держался, как ходил, как говорил? Изучали фотографии. Разумеется, не думали, что наш Семашко — так звали слушателя — раскроет характер Ленина. Да и сама пьеса не давала для этого нужного материала. Это лишь плакат.

— Пусть будет плакатным и Ленин, — решили мы. — Будем агитаторами!

Первая постановка в клубе партшколы прошла ус-

пешно. Появление Ленина взволновало зрителей. Слух о нашей постановке дошел до губкома партии. Нас просит поставить спектакль для губернской партийной конференции, которая тогда проходила в Томске.

И вот наступил этот день. Мы заняли сцену городского театра. В нашем распоряжении костюмерная. Все готово к началу. Зал полон. Тут шахтеры Кузбасса, железнодорожники Тайги и Томска, спичечники, красноармейцы...

На сцене появился Ленин. Зал вздрогнул и в первое же мгновение притих, оцепенел от изумления. И вдруг раздвинулся аплодисменты. Они перерастают в овацию при виде сцены съезда, когда после демонстративного ухода меньшевиков и эсеров Ленин провозглашает:

— Мы теперь приступаем к строительству социалистического порядка...

И в самом конце спектакля «невидимого» Ленина, к которому обращается питерский рабочий, мы сделали видимым и произносящим слова:

— К работе, товарищи! Революционный порядок. Революционная дисциплина. Начинается стройка нового мира. Стройными рядами к станкам!

Занавес. Бурные аплодисменты. Это награда нам за три месяца работы.

Не знаю, стоит ли говорить о каком-нибудь значении этой первой попытки вывести на сцену любимый образ. Но я уверен: она свидетельствует о том, как велика была жажда и потребность видеть образ Ильича воплощенным в искусстве.

К. РОВДА,

старший научный сотрудник Института русской литературы АН СССР.

15 АПР 1920

Красное Знамя
г. Томск